

ИЗНАНКА

Юлия Сорокина

Юлия Сорокина

Изнанка

«Автор»

2026

Сорокина Ю.

Изнанка / Ю. Сорокина — «Автор», 2026

Арина Вельская — судмедэксперт. Она вскрывает тела, подписывает заключения и держит эмоции там, где им положено быть: за стеклом. Пока однажды ночью не касается руки мертвеца — и мир не раздваивается. Северск хранит тайную изнанку. Три убийства с одинаковым почерком. Группа, уничтоженная двадцать лет назад. Дневники, которые ищут все — и которые предназначены именно ей. Арина не верила в магию. Теперь она ею является.

© Сорокина Ю., 2026

© Автор, 2026

Юлия Сорокина

Изнанка

Глава 1

Вызов

23.30 -23:47. Рабочий район. Температура –5°C.

Не люблю ноябрь.

Не из-за темноты – к темноте давно привыкла, она в моей профессии почти обязательна. И не из-за холода, хотя Северск в ноябре холодный по-особому: не злобно, не с ветром, а тихо и окончательно, как будто город просто решил закрыться на зиму и забыл предупредить жителей.

Не люблю ноябрь потому, что в ноябре люди умирают как-то особенно буднично. Летом смерть выглядит неуместно на фоне зелени и солнца. Зимой хотя бы есть какая-то торжественность в белом. В ноябре – просто гаснут. Тихо, серо, между делом.

Максим позвонил в половине двенадцатого. Ещё не спала – сидела с чаем и смотрела в окно на фонарь во дворе, который мигал уже третью неделю. Когда-нибудь позвоню в управляющую компанию и поругаюсь. Наверное.

– Не разбудил? – спросил он. Не как вопрос – как формальность. Знал, что не сплю.

– Нет. Что случилось?

– Литейная, восемнадцать. Подъезд второй, третий этаж. Мужчина, предположительно шестьдесят плюс. Сосед нашёл около одиннадцати, дверь была открыта. Я уже там, группа тоже. Тебя ждём.

– Еду, – сказала я и стала искать куртку.

Литейная улица – самый неромантический адрес в Северске, на который только можно попасть ночью. Пятиэтажки семидесятых годов, одинаковые как близнецы, только у одних крашены подъезды, у других нет. Гаражи. Продуктовый с железной решёткой на окнах. Круглосуточная аптека, в которой всегда горит один и тот же синеватый свет – такой, который, кажется, никогда не выключают, просто потому что боятся, что без него вообще ничего не будет видно.

Припарковалась за машиной участкового и посидела минуту, не выходя. Просто смотрела на подъезд.

Старая привычка. Не суеверие, не ритуал – просто пауза. Один из первых наставников, Борис Аркадьевич, говорил: прежде чем войти – посмотри. Снаружи видно то, что изнутри уже не заметишь. Тогда не понимала, о чём он. Теперь понимаю.

Подъезд номер два ничем не отличался от подъезда номер один. Металлическая дверь с домофоном, из которого торчали провода. Ступени в мелкую шербину. Запах – специфический запах всех подъездов этого города и этого времени года: сырость, краска, чья-то давняя еда. Запах жизни, из которой уже ушло что-то важное.

На третьем этаже было людно – по меркам ночного подъезда на Литейной. Максим стоял у стены с блокнотом, двое оперативников работали в квартире, криминалист возился у порога с чемоданом. Участковый курил этажом выше – учуяла его раньше, чем увидела.

Максим поднял голову, когда вышла из лифта.

– Быстро, – сказал он.

– Светофоров мало. Что имеем?

– Николай Семёнович Правдин, шестьдесят четыре года. Пенсионер. Сосед с четвёртого шёл выносить мусор, увидел открытую дверь – говорит, что дверь всегда была закрыта, он удивился. Зашёл и нашёл.

– Дверь открыта изнутри или снаружи?

Максим посмотрел в блокнот.

– Изнутри. Замок не тронут. Следов взлома нет. Следов борьбы – пока тоже.
Я кивнула и надела перчатки.

Квартира была небольшая, аккуратная – из тех, где сразу видно, что человек жил один и давно. Не запущенно: посуда помыта, книги на полке стоят ровно. Просто так, как бывает, когда некому оставлять следы присутствия.

Правдин лежал в коридоре между кухней и комнатой. На спине, руки вдоль тела, тапочки на ногах. Судя по позе – упал именно здесь, не полз, не пытался добраться до телефона. Просто шёл и лёг.

– Сердце? – спросил Максим от двери. Не настаивая – просто версия вслух.

– Посмотрим.

Присела рядом, начала осмотр. Работа знакомая, привычная – руки делают своё, пока голова фиксирует детали. Мужчина крупный, в целом здоровый на вид. Никаких видимых травм. Цвет кожи... чуть задержалась. Не синюшный, каким бывает при сердечном приступе. Скорее – бледный до прозрачности, как будто из него вынули что-то, чего снаружи не видно.

Температура тела, характер трупного окоченения – всё указывало на смерть примерно три-четыре часа назад. То есть около восьми вечера. Не ночью, не в тишине – вполне себе ранний ноябрьский вечер, когда в соседних квартирах смотрят телевизор и жарят картошку.

Взяла его руку, чтобы проверить степень окоченения.

Это трудно описать.

Не потому, что нет слов – слова найдутся на что угодно, проверяла. Трудно потому, что то, что произошло в следующую секунду, не вписывалось ни в одну категорию, которую знала. А знаю их довольно много.

Просто – мир двоился.

Вот стена передо мной: выцветшие обои в мелкий цветочек, пятно от сырости в углу, гвоздь без картины. Вижу это. И одновременно – ту же стену, но другую: чистую, с каким-то неярким тёплым светом, который шёл не от лампочки под потолком, а как будто отовсюду сразу.

Длилось это, наверное, секунду. Может, меньше.

Потом всё встало на место. Обои с цветочком. Пятно. Гвоздь. Правдин с холодной рукой в моей руке в перчатке.

Отпустила его руку и медленно встала.

– Всё в порядке? – спросил Максим.

– Да. Резко встала.

Он посмотрел секунду дольше, чем нужно для дежурного ответа. Максим умеет смотреть так, будто читает что-то между строк – профессиональная деформация следователя. Или просто знает меня слишком давно.

– Когда ела последний раз? – спросил он.

– Утром.

– Вельская!!!

– Работаю, – сказала я и вернулась к телу.

Закончила осмотр, озвучила предварительное заключение – смерть вследствие острой сердечной недостаточности, окончательное после вскрытия – и вышла на лестничную площадку.

Максим остался ждать санитаров – у него ещё был опрос соседа и стопка бумаг в рабочем кабинете. Спустилась на первый этаж, толкнула тяжёлую металлическую дверь, вышла на улицу.

Было холодно. Фонарь над подъездом горел ровно – не то, что мой, во дворе. Остановилась на ступенях и закурила, хотя почти бросила три месяца назад.

Сердечная недостаточность. Шестьдесят четыре года, один, тапочки на ногах. В ноябре это случается. Вот так пойдешь выносить мусор в ночи и наткнешься... Может поверье, что выносить мусор после захода солнца плохая идея и не так уж надумана?

Затянулась и посмотрела на улицу. Поздно, пусто, только в конце квартала мигал светофор – жёлтый, жёлтый, жёлтый. В этот час светофоры в рабочих районах переходили в режим мигания. Никому не нужна красная фаза, когда нет машин.

Всё правильно. Всё объяснимо.

Когда почти убедила себя, что двоящаяся стена просто привиделась – усталость, голод, ноябрь, – поняла, что чувствую запах.

Травяной. Лёгкий, почти неуловимый. Что-то сухое и летнее – странное ощущение посреди ноябрьского воздуха, в котором пахнет только холодом и снегом, которого ещё нет.

Оглянулась.

Улица была пустой.

Докурила, бросила окурочек в урну и пошла к машине. Завтра вскрытие. Потом – заключение. Это работа, которую умею делать.

Запах травы, наверное, тоже привиделся.

Наверное.

Глава 2

Отстранение

09:00. Городской морг. Секционный зал №2.

Правдин лежал на столе под казённым светом, и в этом свете вся вчерашняя странность должна была рассыпаться. Так обычно и бывает: то, что ночью кажется необъяснимым, утром оказывается усталостью и игрой теней.

Рабочий день начался стандартно. Внешний осмотр, фиксация, заметки. Руки делали своё – этот ритм вошёл в мышечную память ещё на первом году практики и с тех пор не менялся. Хороший ритм. Надёжный.

Уже здесь первая отметка: человек был здоров. Не «для своего возраста» – просто здоров. Хороший тонус мышц, нормальный цвет кожи, никаких отёков, никаких следов хронической болезни. Может, сосуды? Может, тромб? Что-то должно было быть.

Сердце открылось примерно через сорок минут.

Оно было чистым.

Никаких атеросклеротических бляшек, никакого фиброза, никаких следов ишемии. Мышца здоровая, клапаны в порядке, коронарные артерии проходимы. Отложила инструмент. Ещё раз – медленно и методично, участок за участком проверяю. Потом сосуды. Лёгкие. Печень. Везде норма.

Вернулась к сердцу.

Ещё час ушёл только на то, чтобы убедиться: причины нет. Везде, где она могла быть – пусто. И только то, чего там не должно было быть: абсолютное здоровье человека, который тем не менее был мёртв.

Сердце Правдина не могло остановиться само, но оно остановилось.

Долго стояла над столом и думала об одном: что именно так выглядит орган, который остановили снаружи. Одним усилием. Без следов, без крови, без логики, которую можно записать в заключение.

В заключение легло: «острая сердечная недостаточность невыясненной этиологии». Правда – неполная, но правда. Этиология действительно была невыясненной.

Образцы тканей – мышца сердца, фрагменты сосудов, кровь – упакованы и отнесены в лабораторию лично. В бланке направления пометка: расширенный токсикологический анализ, гистология, маркеры клеточного стресса. Лаборантка посмотрела на список и подняла брови.

– Это недели на три.

– Знаю. Всё равно сделайте.

Заключение подписано, бумаги сданы. Работа по этому телу формально закончена.

Следующий день. 10:20. Кабинет заведующего отделом.

Виктор Павлович Земцов заведовал нашим отделом уже двенадцать лет и за это время выработал особую манеру говорить неприятные вещи – тихо, глядя в стол, с видом человека, которому самому очень жаль.

Когда вошла, он именно так и сидел.

– Арина Сергеевна. Присядьте.

Села. Подождала.

– По образцам Правдина. – Он наконец посмотрел, но как-то мимо, чуть левее. – Направление на расширенный анализ отозвано. Лаборатория вернёт материал следователю по делу. Стандартный объём исследований уже выполнен, этого достаточно для закрытия.

– Кто отозвал?

– Новый следователь. Дело передано в другое подразделение.

– Понятно. А результаты – когда будут готовы?

Земцов помолчал секунду.

– Результаты пойдут напрямую следователю. Твоя часть работы закончена с подписанием заключения.

Это было сказано мягко, почти по-отечески. И именно поэтому звучало как дверь, которую закрыли перед носом – без хлопка, без скандала, просто тихо.

– Виктор Павлович. Кто звонил?

Он помолчал ещё секунду и потом произнёс одно слово:

– Корин.

Не ответила. Просто сидела и слушала, как это слово оседает в тишине кабинета – как оседает пыль после того, как что-то упало.

– Арина Сергеевна, – в голосе было что-то похожее на настоящее сочувствие, – заключение написано правильно, работа выполнена в полном объёме. Не нужно...

– Не нужно – что?

Земцов не ответил. Развёл руками – жест, который говорил всё, что он не мог сказать вслух.

Встала, кивнула и вышла. Дверь закрыла аккуратно.

Коридор. Окно в торце. Внизу – больничный двор: серый асфальт, голые деревья, фургон с надписью «Северскфарм» у служебного входа. Обычная картина.

Корин.

Этой фамилии не было слышно восемь месяцев – с тех пор как были подписаны документы на квартиру в Северске и сказано себе, что это новое начало. Достаточно далеко, другой город, совсем другая жизнь.

Оказалось – нет.

Никакого приказа. Никакой бумаги с печатью. Просто отозвано направление, закрыт доступ к результатам, и Земцов смотрит в стол. Вот как это делается, когда умеют, точнее: когда есть власть.

Достала телефон, нашла контакт Максима, но «вызов» не нажала, убрала телефон обратно.

Максим – следователь. Рассказывать ему о Корине означало втягивать его в историю, которая была личной задолго до того, как стала рабочей. Это нечестно.

Ручка с надписью «Сберкасса» крутилась между пальцами сама.

Что было точно: образцы ушли в лабораторию вчера утром. Звонок Корина – сегодня. Кто-то в системе увидел пометку на расширенный анализ и сообщил. У него «глаза» внутри. Не паранойя – просто логика.

Снова достала телефон и отправила сообщение Максиму: «Можешь говорить? Не по делу. Просто, когда будет время.»

Телефон завибрировал почти сразу.

«Вечером. Всё нормально?»

«Да».

Неправда, не все нормально, но некоторые вещи удобнее выяснять при встрече.

Уже у выхода вспомнила про образцы.

Формально – они переданы в лабораторию. Формально – лаборатория вернёт их следователю. Формально – всё правильно.

Но в сумке лежал один дополнительный контейнер. Взятый ещё вчера, до того, как что-то пошло не так. Запасной – просто привычка брать чуть больше, чем нужно.

Главный мой недостаток – умение находить лазейки там, где их как будто нет.

Если Корин проявился ради одного пенсионера с Литейной – значит, этот пенсионер был совсем не тем, кем казался.

Глава 3

Переключение

Несколько дней спустя. Выезд на Заводскую улицу.

Новый вызов, новый подъезд, новый покойник которому не повезло с ноябрём. Максим стоял у стены в знакомой позе – блокнот, ручка, взгляд, который одновременно фиксирует всё и ни на чём не останавливается.

Пока осматривала тело, он работал в соседней комнате. Потом вышли на лестничную площадку – обычный рабочий разговор: кто нашёл, когда, есть ли родственники.

– Что там по Правдину? – спросила я между делом, не поднимая взгляда от своих замечаний.

Максим чуть помолчал. Совсем немного – секунда, не больше. Но мне было заметно.

– Закрывают. Сердечная недостаточность, несчастный случай. Родственников нет, так что без осложнений.

– Понятно.

Больше не спрашивала. Максим тоже ничего не добавил, и оба сделали вид что та секунда паузы ничего не значила.

В машине, уже одна, подумала: он знает, что там что-то не так. Или чувствует. Максим умеет чувствовать – это его главный профессиональный инструмент, хотя он никогда так это не называет.

Но анализы ещё не готовы. Пока нечего предъявлять – ни ему, ни себе.

Двенадцать дней спустя. Частная лаборатория на Речном проспекте.

Знакомого звали Герман Викторович, он заведовал биохимическим отделом в частной клинике и был обязан после одной истории трёхлетней давности, о которой оба предпочитали не вспоминать вслух.

– Результаты готовы, – сказал он по телефону. – Зайди сегодня, если можешь.

Зашла после шести, когда в клинике почти никого не было. Герман Викторович встретил в коридоре, провёл в кабинет, положил на стол распечатку.

– Смотри сама.

Смотрела долго. Перевернула страницу. Вернулась к первой.

Все показатели в норме. Токсикология чистая. Гистология – здоровая ткань без признаков патологии. Маркеры клеточного стресса отсутствуют. Ни одного отклонения, которое могло бы объяснить внезапную остановку сердца у живого человека.

– Герман Викторович. Это точно мой образец?

– Контейнер с твоей маркировкой, вскрыт при мне. – Он сложил руки на столе. – Арина, я понимаю, что ты ищешь. Но там нет ничего. Совсем.

– Знаю. В этом и проблема.

Распечатку забрала с собой. На улице постояла у машины, глядя на реку – Речной проспект оправдывал название, с набережной открывался вид на тёмную ноябрьскую воду и огни противоположного берега.

Значит не химия. Не токсин, не яд, не что-то что можно найти в крови или ткани. Сердце остановили чем-то, чего нет в таблице показателей.

В той картине мира, которую знала – такого не бывает.

Возможно, проблема была в картине мира.

Той же ночью. Литейная улица, дом восемнадцать.

Поехала не сразу. Сначала домой, поела – впервые за день нормально, – покормила кота, посидела с чаем. Попыталась придумать причину не ехать.

Причин было много. Разумных, взрослых, профессиональных. Дело закрыто. Осмотр тела выполнен, заключение подписано. Лезть на место происшествия без санкции, без служебной необходимости, ночью – это ровно то, чего не нужно делать человеку, который хочет сохранить место. Но не то, что делает человек, который всегда ставит точки.

В половине двенадцатого надела куртку и вышла.

Литейная в этот час была пустой – те же фонари, та же дорога со следами недавнего снега, тот же продуктовый с решёткой на окнах. Подъезд номер два. Домофон с торчащими проводами.

Дверь открылась от простого нажатия – не работала, судя по всему, давно.

Третий этаж. Лестничная площадка перед квартирой Правдина – крашенный бетон, бледно-зелёная масляная краска на стенах, облупившаяся у плинтуса. Дверь квартиры опечатана казённой бумажкой с печатью.

Остановилась напротив двери. В первую ночь стояла здесь – снаружи – и мир на секунду двоился. Потом вспомнила: нет, двоилось внутри, стояла над телом и смотрела на стену квартиры. Обои в цветочек, пятно от сырости, гвоздь без картины – это было там, за дверью.

Здесь только крашенный бетон и тишина.

Сняла перчатку. Положила ладонь на стену площадки.

Холодная краска, шершавая под пальцами. Ничего.

Постояла. Убрала руку. Одёрнула себя мысленно – что именно я ожидала? Что стена снова задвоится по запросу?

Развернулась уходить.

И тогда пришёл запах.

Травяной. Тот самый – сухое лето посреди ноябрьского подъезда. Резкий, живой, совершенно неуместный.

Медленно обернулась.

Площадка была та же. Крашенный бетон, облупившийся плинтус, казённая бумажка на двери.

А свет – другой.

Не лампочка под потолком которая горела жёлтым и чуть мигала. Что-то ровное, тёплое, как будто идущее отовсюду сразу – негромкое, как свет в пасмурный день, как свет через плотные шторы.

Стены площадки были те же – и не те. Краска исчезла: под ней проступил старый кирпич с нанесёнными от руки знаками – не буквы, не рисунки, что-то среднее. У опечатанной двери, прямо на пороге, лежал небольшой пучок сухих трав, перевязанный красной нитью. Кто-то оставил его совсем недавно.

Из-за двери – тихо, неразборчиво – слышались голоса. Как будто внутри просто были люди.

Запах травы стал сильнее.

Я не двигалась. Стояла и смотрела, и пыталась понять, что именно изменилось – и не могла, потому что изменилось всё и ничего одновременно. Та же площадка. Другая площадка. Обе сразу.

– Ты не должна была уметь это делать, – сказал голос снизу.

Перегнулась через перила.

На лестничном пролёте между вторым и третьим этажом, в полутьме, стоял мужчина. Высокий, в тёмном пальто, с сединой на висках. Смотрел снизу вверх без удивления – скорее с тем выражением с каким смотрят на проблему, существование которой уже приняли и начали просчитывать варианты решений.

– Кто вы? – спросила я. Голос звучал ровно и это было хорошо.

– Это сейчас не важно. – Он не двигался. – Важно то, что ты здесь. И то, что тебя видели.

– Кто видел?

Не ответил. Посмотрел на дверь квартиры Правдина – голоса за ней стихли, – потом снова на меня.

– Уходи. Сейчас, пока можешь сделать вид что ничего не было. Завтра это будет сложнее.

– Почему?

– Потому что тебя уже запомнили.

Свет мигнул – и площадка снова стала обычной. Жёлтая лампочка, крашенный бетон, казённая бумажка на двери. Запах травы исчез за секунду.

Мужчина всё ещё стоял на пролёте внизу. В обычном свете он выглядел просто как человек, который возвращается домой поздно вечером – ничего особенного, если не смотреть в его глаза.

– Как вас зовут? – спросила снова.

Секунда паузы.

– Дариан.

– Арина Вельская. – Не знала зачем представилась – просто привычка. – Что это было?

– Ничего что тебя касается. Иди домой, Арина Вельская.

Мужчина развернулся и пошёл вниз, в темноту. Не оглянулся.

Я постояла ещё минуту на площадке, глядя через перила как он уходит. Потом медленно спустилась, вышла на улицу, дошла до машины.

Завела двигатель. Посидела не трогаясь.

Мир снова был обычным – фонари, снег, продуктовый с решёткой. Всё на месте. Всё правильно.

Только в голове крутилась одна мысль: он сказал «уйди пока можешь сделать вид что ничего не было». Не «уйди потому, что опасно». Не «уйди потому, что ты ошиблась адресом».

Именно – «пока можешь сделать вид».

Значит, он знал, что она уже не сможет.

Глава 4

Дариан

Той же ночью. Литейная улица, дом восемнадцать.

Правдин умер двенадцать дней назад.

Двенадцать дней – достаточно чтобы дело закрыли, и соседи перестали обсуждать в подъезде. Но недостаточно чтобы место стало чистым. Следы Изнанки держатся дольше, чем следы людей – это одна из немногих вещей, которые работают в обе стороны: войти легче чем выйти, оставить легче чем убрать.

Задача была простой. Осмотреть площадку, снять метки, которые Правдин держал на двери – старик был аккуратным, но после смерти его защита начала расползаться, а расползающаяся защита хуже, чем отсутствие защиты вообще. Потом уйти. Полчаса работы, не больше.

Никого не должно было быть. Но...

Она стояла на третьем этаже спиной к лестнице.

Первая мысль – случайный человек, жилец, ошиблась этажом. Отработанный вариант: пройти мимо, не останавливаясь, дать ей уйти самой.

Вторая мысль – нет. Не жилец. Стоит слишком неподвижно, рука на стене, голова чуть наклонена. Так стоят, когда слушают пространство, а не когда ищут квартиру.

Третья – она в Слободе.

Не полностью, не осознанно – но граница для неё уже не граница. Тёплый свет площадки, запах трав от меток Правдина, едва слышные голоса из квартиры – всё это она воспринимала, видела. Обычный человек не видит ничего. Обычный человек видит крашенный бетон и тишину.

Это была проблема.

Дариан быстро оценил ситуацию: женщина, около сорока. Одета практично – куртка, ботинки на плоской подошве, никакой сумки через плечо, только карманы. Держится уверенно, не испуганно. Руку от стены убрала спокойно, без резких движений – не потому, что не заметила изменений, а потому что взяла себя в руки раньше, чем успела испугаться.

Это интересно.

Не то чтобы важно – просто интересно. Большинство людей, случайно попавших на границу, реагируют одинаково: паника, бегство, или растерянность. Она не сделала ни того, ни другого, ни третьего. Просто стояла и наблюдала.

Профессиональный навык – держаться, когда не понимаешь, что происходит. Медицина, скорее всего. Или что-то близкое.

Не важно. Важно другое: она видела Слободу. И теперь её нужно было отсюда убрать так, чтобы не вернулась.

– Ты не должна была уметь это делать.

Сказал тихо, снизу – не хотел пугать раньше времени. Испуганный человек непредсказуем, а непредсказуемость здесь была опасной.

Она перегнулась через перила. Посмотрела вниз – прямо, без дрожи. Спросила кто он. Голос ровный.

Хорошо держится.

Дальше – стандартная процедура. Объяснить, что ей здесь не место. Дать понять, что её заметили – это работает лучше угроз, потому что угрозу можно проигнорировать, а ощущение что за тобой следят нельзя. Сказать уходи. Она уйдёт.

Так работает в девяносто процентах случаев.

Она не ушла.

Задала вопрос – «почему» – и в голосе не было страха. Было любопытство. Чистое, профессиональное, почти раздражающее любопытство человека, который получил неполный ответ и хочет полный.

Сказал: потому что тебя уже запомнили.

Это должно было закрыть разговор.

Она спросила, как его зовут.

Пауза. Нестандартный ход – в такой ситуации люди обычно либо спрашивают, что происходит, либо молча уходят. Она спросила имя. Как будто это была обычная деловая встреча и она собиралась занести его в контакты.

– Дариан.

– Арина Вельская. – Представилась сама, без паузы. – Что это было?

Ответил стандартно: ничего что тебя касается, иди домой. Развернулся и пошёл вниз.

Уже на втором этаже услышал, как она стоит на площадке – не уходит, просто стоит и смотрит через перила как он спускается. Не кричит вслед, не пытается остановить. Просто смотрит и запоминает.

На улице остановился на углу дома.

Подождал. Через три минуты она вышла из подъезда, дошла до машины – старая тёмная «тойота», ничем не примечательная, – села, завела двигатель. Посидела, не трогаясь минуты две. Потом уехала.

Проводил взглядом.

Арина Вельская. Он проверил: она осматривала Правдина в ту ночь, работает в городском морге. Медик – это объясняло и уверенность, и то, как она держалась на площадке. Объясняло и то, что вернулась через двенадцать дней – не успокоилась, продолжает искать.

Это была проблема.

Но не та проблема, которую он ожидал.

Он ожидал случайного человека, которого нужно напугать и забыть. Получил человека, который пришёл сюда осознанно, с результатами анализов в голове – запрос на расширенную токсикологию в частной лаборатории отследить несложно, – и который задал правильные вопросы в правильном порядке.

Случайные люди так не работают.

Вернулся в подъезд, поднялся на третий этаж, снял метки с двери Правдина. Работа заняла двадцать минут. Стандартно, чисто, без следов.

Уже на улице подумал об одном: она представилась. Не спросила кто он такой и что здесь делает – представилась сама. Фамилию назвала.

Арина Вельская.

Он запомнил.

Глава 5

Ника

Середина ноября. Городской морг.

Проверка началась в понедельник.

Не плановая – внеплановая, что само по себе говорило о многом. Комиссия из трёх человек, все незнакомые, все с папками и видом людей, которые уже знают, что найдут. Земцов ходил за ними с извиняющимся лицом и тихо страдал.

Два дня на документы за последние три года. Потом – годовые отчёты, которые по какому-то бюрократическому совпадению оказались не закрыты за предыдущий период. Потом методические карты, журналы учёта, акты списания реактивов.

Работа, которую никто не любит и все откладывают, навалилась разом.

В первый вечер, уже дома, за чаем, Арина поняла: это Корин. Не потому, что паранойя – просто логика. Внеплановая проверка через две недели после того, как он отозвал направление на анализы. Знал, что отчёты в беспорядке – в любом отделе они в беспорядке, это не секрет. И знал, что она не из тех людей, которые бросят незакрытую бумагу ради чего угодно другого.

Знал её характер. Это было неприятнее всего.

Следующие две недели ушли в бумаги.

Снилось странное.

Не страшное – просто странное. Место без названия, что-то среднее между садом и комнатой: трав много, света много, запах тот самый – сухое лето. И женщина. Молодая, тёмные волосы, лёгкая – она всегда была немного в движении даже когда стояла на месте, как будто воздух вокруг неё жил отдельно.

Лица толком не видела. Только силуэт, только ощущение – спокойное, почти домашнее. Как будто этот человек давно знаком, просто забыла откуда.

Просыпалась с запахом трав, который исчезал за секунду.

Снилось трижды за неделю. Потом четыре раза подряд и одна спокойная ночь. Потом снова каждую ночь.

Кот садился у изголовья и смотрел в угол комнаты, где ничего не было. Коты вообще смотрят куда не нужно – но что-то в этом взгляде было не совсем обычным.

Решила, что это стресс и переработка. Логичное объяснение. Надёжное.

Конец ноября. Коридор около прозекторской.

Максим появился в среду около полудня.

Не по делу – вернее, по делу, но не к ней. Арина увидела их через стекло технической комнаты, когда шла из лаборатории: Максим стоял у стены с папкой, рядом – женщина. Ждали.

Остановилась.

Не из-за Максима – из-за женщины рядом с ним.

Молодая. Тёмные волосы, лёгкая – стояла чуть в стороне и смотрела на стену с казёнными объявлениями, и в этом взгляде не было ничего особенного кроме спокойного ожидания. Но что-то в силуэте, в том, как она держала руки, в том, как воздух вокруг неё казался чуть теплее, чем должен быть в казённом коридоре в конце ноября...

Это было лицо из снов.

Не похожее, а именно оно. Теперь видела его полностью: тёмные внимательные глаза, мягкие черты, что-то в выражении неуловимо старше возраста – не усталость, скорее как будто этот человек знает что-то о времени чего другие не знают.

Женщина повернула голову.

Их взгляды встретились через стекло.

Секунда. Две. Женщина не удивилась – просто смотрела, чуть дольше чем требует вежливость, с каким-то тихим узнаванием в глазах. Потом снова отвернулась.

Арина выдохнула. Не заметила, что задерживала дыхание.

Максим заметил её через минуту.

– Вельская. Ты здесь кстати. – Кивнул в сторону женщины. – Это Ника. Нужно опознание – Борис Соколов, поступил позавчера. Она говорит, дальний родственник.

Борис Соколов, шестьдесят два года, рабочий район, нашли дома. Сердечная недостаточность. Поступил позавчера – значит умер через четыре недели после Правдина. Второй пока она сидела в отчётах.

– Пройдёмте, – сказала она.

Женщина повернулась и посмотрела на неё – прямо, без страха, с тем же спокойным вниманием.

– Арина Сергеевна Вельская, – сказала она негромко. Не вопрос – просто имя, произнесённое так, как произносят то, что давно знают.

– Да. – Коротко, профессионально. – Вы готовы?

– Готова.

Опознание заняло несколько минут. Соколова Ника подтвердила личность покойного спокойно, без слёз, с той же ровной сосредоточенностью. Максим записывал. Арина стояла чуть в стороне и смотрела на женщину.

– Как он умер? – спросила Ника, когда всё было закончено. Спрашивала Арину, не Максима.

– Сердечная недостаточность.

Пауза. Очень короткая.

– Понятно, – сказала Ника.

В этом «понятно» было что-то лишнее – не горе, не облегчение. Что-то похожее на подтверждение догадки, которую не хотелось проверять.

– Вы давно его знали? – спросила Арина.

– Достаточно давно. – Ника посмотрела на неё прямо. – А вы давно работаете с такими случаями?

– С какими – такими?

Женщина чуть улыбнулась – краем, едва заметно.

– С теми, где причина непонятна.

Максим поднял голову от блокнота. Посмотрел на Арину. Потом на Нику. Потом снова на Арину – с тем выражением, которое означало: мы потом поговорим.

– Спасибо, – сказал он Нике официально. – Если понадобится ещё раз связаться – ваш телефон у нас есть.

– Конечно. До свидания, Арина Сергеевна.

Женщина вышла. Арина смотрела ей вслед – та шла по коридору легко, не торопясь, и у самого выхода обернулась.

Не на Максима. На Арину.

И снова – секунда тихого узнавания. Потом дверь закрылась.

– Что это было? – спросил Максим, когда они остались вдвоём.

– Опознание.

– Вельская...

– Не знаю, – сказала она честно. – Ещё не знаю.

Максим помолчал. Потом убрал блокнот.

– Соколов – второй за четыре недели. Оба из одного района, оба одного возраста и оба с одинаковой картиной. – Говорил тихо, без интонации, как говорят, когда формулируют для себя. – Первый был Правдин.

– Знаю.

– Ты что-то нашла тогда? На вскрытии?

Арина посмотрела на него.

– Заключение подписано, – сказала она.

– Я не про заключение. – Он встретил её взгляд. – Ты вернулась на место. Видел твою машину на Литейной. Поздно ночью, через две недели после смерти Правдина.

Тишина.

– Максим, – сказала она наконец.

– Не сейчас, – сказал он. – Просто знай, что я знаю. Когда будешь готова говорить – я здесь.

Взял куртку и вышел.

Арина осталась стоять в коридоре около прозекторской, глядя на дверь, через которую ушла Ника и следом за ней Максим.

Запах трав держался ещё несколько минут. Потом исчез.

Глава 6

Третий труп

Начало декабря. Старый берег, улица Корабельная.

Максим позвонил в семь утра.

– Корабельная, двенадцать. Квартира на втором этаже. Нашли соседи, дверь была не заперта. Женщина.

– Возраст?

– Сорок пять. Может, чуть больше.

Пауза. Небольшая, но оба её почувствовали.

– Еду, – сказала она.

Корабельная улица была другим миром по сравнению с Литейной. Старый берег – дореволюционные дома с лепниной, дворы-колодцы, булыжная мостовая под слоем декабрьского снега. Красиво, если смотреть издалека. Вблизи – такие же облупившиеся подъезды, только с более высокими потолками.

Максим встретил у входа.

– Елена Витальевна Громова, сорок четыре года. Работала в библиотеке на Советской. Не замужем, детей нет. Соседка снизу почуяла запах – решила проверить. Дверь открылась от толчка, замок не защёлкнул изнутри.

– Значит давно лежит...

– Судя по всему, сутки. Может, чуть больше.

Вошла в подъезд. Здесь пахло старым деревом и сыростью – запах домов, которые помнят несколько поколений жильцов и никуда не торопятся.

На втором этаже у открытой двери курил оперативник. Кивнул, посторонился.

Квартира была другой.

Не по размеру – по характеру. Книги везде: на полках, на подоконнике, стопками на полу у дивана. Не беспорядок – система, понятная только хозяйке. Фотографии на стене – горы, море, незнакомые люди, много смеющихся лиц. Живой человек жил здесь, с интересами и маршрутами и кем-то кому было важно фотографироваться вместе.

Громова лежала в комнате около дивана. На боку, одна рука под щекой – почти как будто заснула, если не знать.

Начала осмотр.

Женщина была здорова. Не в смысле «для своего возраста» – в том же абсолютном смысле, в котором был здоров Правдин и Соколов. Хороший тонус, никаких видимых признаков болезни. Лицо спокойное – не искажённое болью, не застывшее в удивлении. Просто остановилась жизнь.

Сорок четыре года. Библиотекарь. Горы на фотографиях.

– Сердце? – спросил Максим от двери. Тот же вопрос. Уже третий раз.

– Посмотрим, – сказала она. Тот же ответ.

Но в голосе было что-то чего не было в первые два раза. Максим это услышал – она видела, как он чуть прикрыл блокнот.

Вскрытие подтвердило то, что уже знала.

Сердце Громовой было здоровым. Чистым до той же необъяснимой степени что и у Правдина и у Соколова. Сосуды проходимы, мышца без патологий, ни одного маркера, который мог бы объяснить смерть женщины сорока четырёх лет в собственной квартире.

Три тела за пять недель. Двое пожилых мужчин из рабочего района. Теперь – женщина средних лет со старого берега.

Профиль изменился. Район изменился. Почерк – нет.

В заключение снова легло: «острая сердечная недостаточность невыясненной этиологии». Уже третий раз эта фраза. Уже третий раз – правда, которая ничего не объясняет.

Образцы упаковала. Подумала секунду – и убрала дополнительный контейнер в сумку. Снова. Та же привычка, тот же жест.

После. Служебный выход городского морга.

Ника стояла у стены напротив служебного выхода.

Не у главного входа – у служебного, куда посторонние не ходят. Стояла и смотрела на дверь, как будто знала точно через какую именно выйдет Арина и когда.

Арина остановилась на ступенях.

– Вы меня ждёте.

– Да, – сказала Ника просто.

– Откуда вы знали, что я здесь?

Ника чуть наклонила голову – жест, который мог означать что угодно от «это сложно объяснить» до «вы сами знаете ответ».

– Громова, – сказала Арина.

– Да.

– Вы её знали.

– Знала.

Арина спустилась со ступеней, встала рядом. Декабрьский воздух был холодным и чистым, без снега – просто мороз и тишина служебного двора. Откуда-то едва слышно тянуло травами. Как тогда, когда Ника была рядом.

– Это третий, – сказала Арина.

– Знаю.

– Все трое умерли одинаково. Здоровые люди с остановившимся сердцем. Никакой медицинской причины.

Ника молчала.

– И вы знаете, что их связывает, – сказала Арина.

Долгая пауза. Ника смотрела куда-то в сторону – не уходя, просто давая себе время.

– Да, – сказала она наконец. – Знаю.

– Тогда вам нужно мне рассказать.

– Это непросто объяснить.

– Я работаю с телами людей, у которых не было причины умирать. Третий раз за пять недель. Упрощайте, как хотите, я разберусь.

Ника посмотрела на неё – несколько секунд, с тем же тихим узнаванием, которое было при первой встрече через стекло.

– Не здесь, – сказала она наконец. – Есть место. Если вы готовы – я покажу.

– Когда?

– Сейчас, если хотите.

Арина подумала секунду. Вспомнила Дариана на лестничном пролёте – уходи, пока можешь сделать вид что ничего не было. Вспомнила Максима – просто знай, что я знаю.

Вспомнила три тела за пять недель.

– Хорошо, – сказала она. – Ведите.

Глава 7

Предложение

Начало декабря. Слобода.

Ника повела не на Литейную.

Шли дворами – через арку, потом через ещё одну, потом по узкому проходу, между гаражами, которого Арина никогда раньше не замечала, хотя ездила этим маршрутом сотни раз. В какой-то момент свет изменился – не резко, не как в тот раз в подъезде, а постепенно, как меняется освещение, когда заходишь из яркого помещения в более тёплое.

Двор был тот же и не тот. Те же гаражи, та же арка – но кирпич другой, живой какой-то, и над воротами висел фонарь, которого точно не было раньше, и из подвального окна соседнего дома тянуло чем-то горячим и травяным, и где-то совсем близко разговаривали – не слышно слов, только интонации, спокойные, домашние.

– Добро пожаловать в Слободу, – сказала Ника без торжественности. Просто факт.

– Это всегда здесь было? – спросила Арина.

– Всегда. Просто не все видят.

– А теперь я вижу.

– Теперь да.

Арина огляделась. Несколько человек во дворе – женщина развешивала что-то на верёвке, двое мужчин стояли у гаража с кружками, подросток сидел на ступенях с книгой. Обычная дворовая жизнь, только свет другой и воздух теплее, чем должен быть в декабре.

– Они все – маги?

– Люди Изнанки. Маги – это слово из книжек. Здесь говорят просто: те, у кого есть дар, и те, у кого его нет. Большинство здесь – с даром. Разным.

– А Правдин? Соколов? Громова?

Ника помолчала секунду.

– Слободские. Все трое.

Зашли в подвал того самого дома – небольшое пространство, тёплое, с низким потолком и полками вдоль стен. Травы везде: связками, в банках, в плоских корзинах. Пахло так, как пахло в снах – только гуще, настоящее.

Сели за стол у стены. Ника поставила чайник.

– Расскажите про них, – попросила Арина. – Что их связывало?

– Они знали друг друга. Ходили на одни встречи – здесь, в Слободе, и в обычном мире. Была такая традиция: раз в месяц собирались в читальном зале библиотеки на Советской. Негласно – просто люди, которые понимают друг друга. Книги, разговоры, иногда что-то большее.

Арина почувствовала, как что-то встаёт на место.

– Библиотека. Громова там работала.

– Да. Она была своей – знала кто приходит и зачем. Держала для них читальный зал по четвергам.

– Нина появилась в Северске не сразу, – добавила Ника. – До библиотеки она жила в другом городе, долго. Приехала сюда лет двадцать пять назад, уже одна. До этого – я знаю немного – у неё была другая жизнь, другие люди. Она почти не рассказывала. Только однажды упомянула, что был человек, геолог, и ребёнок, которого она помнила. Но это было давно, задолго до Слободы.

Я убрала это в память. Геолог. Ребёнок. Потом.

– Значит убийца знал о собраниях. Знал кто туда ходит.

– Да, – сказала Ника тихо. – Именно.

Чайник закипел. Ника разлила чай – что-то тёмное, с запахом, который Арина не могла назвать, но который был правильным.

– Почему их убивают?

– Этого я не знаю. Знаю только, что это не случайно и давно началось.

– Что значит давно?

Ника смотрела на неё – выбирала слова осторожно.

– Двадцать лет назад в Слободе произошло кое-что. Совет подавил бунт – так это называется официально. Были люди, которые выжили и молчали всё это время. – Она остановилась. – Я думаю, что их убивают сейчас. По одному. Тех, кто помнит.

Тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.